

ТИРТЕЙ, ЦАРЬ АССИРИЙСКИЙ

«КИРОПЕДИЯ» КСЕНОФОНТА И ВОСПИТАНИЕ ВОИНА В СПАРТЕ

З.А. БАРЗАХ

В настоящей статье речь идет о возможной аллюзии на строки спартанского поэта-элегика Тиртея в «Киропедии» Ксенофонта (III, 3, 44-45). Царь ассирийский, главный антагонист и антипод Кира, в своей речи перед войсками приводит аргументы в пользу храбрости и против трусости, пародийно воспроизводящие аргументацию Тиртея (fragm. 8 Prato, vv. 11-20). И Тиртей в своей элегии, и царь ассирийский в своей речи подчеркивают, что среди воинов, обратившихся в бегство, больше погибших, чем среди тех, кто не покидает строя, причем ассирийский царь снабжает эту статистику наивным анатомическим наблюдением о том, что на спине у человека нет глаз и рук. Мы считаем, что источником этой пародии могут быть антиспартанские полемические тексты, получившие распространение в то время в Афинах в связи с попытками Эпаминонда и мессенян привлечь афинян на свою сторону в борьбе со Спартой. Это подтверждается тем, что Тиртей, по всей вероятности, являлся персонажем антиспартанского нарратива того времени: легенда об афинском происхождении Тиртея, наиболее подробно изложенная у Павсания, но возникшая, по-видимому, гораздо раньше, во времена Ксенофонта, носит ярко выраженный антиспартанский и проафинский характер. Ответ Кира на эту речь, в свою очередь, демонстрирует отношение Ксенофонта к спартанской концепции воспитания воина. Если автор пародии стремился подчеркнуть примитивность и комичную поверхностность воинственных элегий Тиртея, якобы являвшихся источником легендарной воинской доблести спартанцев, то, согласно Ксенофонту, источником спартанской доблести являются не воинственные речи и песни, но система образования и социальных мер, делающая жизнь человека, уличенного в трусости на поле

битвы, невыносимой. Описание такой системы в устах Кира (Хен. Сур. III, 3, 51-53) поразительно напоминает описание Ксенофонтом спартанской системы воспитания и социального поощрения или порицания (Хен. Лас. 9, 3-6), что подтверждает нашу гипотезу.

Воспитание воина — тема настоящего выпуска журнала — была одной из центральных тем творчества Ксенофонта, воина и мыслителя, ученика Сократа, сражавшегося в рядах спартанцев и персов, но ни на минуту не забывавшего о родных Афинах, которые переживали в то время упадок своей политической и военной мощи. В настоящей статье мы будем говорить об одной из ранее незамеченных аллюзий в «Киропедии» Ксенофонта, которая может носить полемический характер и отражать современные Ксенофону споры об основах спартанского военного воспитания.

В третьей книге «Киропедии» (Хен. Сур. III.3. 44-45), перед решающей битвой между персами и ассирийцами, царь ассирийский, главный антагонист и антипод Кира, произносит речь перед своим войском. Она призвана укрепить боевой дух воинов — но один из аргументов ассирийского царя способен вызвать, по крайней мере у современного читателя, улыбку (Хен. Сур. III.3.45):

...ἄτε οὖν νίκης ἐρῶντες μένοντες μάχεσθε. μῶρον γάρ τὸ κρατεῖν βουλομένους τὰ τυφλά τοῦ σώματος καὶ ἄλλα καὶ ἄχειρα ταῦτα ἐναντία τάττειν τοῖς πολεμίοις φεύγοντας: μῶρος δὲ καὶ εἰ τις ζῆν βουλόμενος φεύγειν ἐπιχειροίη, εἰδὼς ὅτι οἱ μὲν νικῶντες σφάζονται, οἱ δὲ φεύγοντες ἀποθνήσκουσι μᾶλλον τῶν μενόντων.

«Поэтому жажда победы должна пылать в ваших сердцах. Будет безумием, если тот, кто сражается за победу, обратится в бегство, открывая врагу спину — часть тела, лишённую рук и оружия. Безумным будет и тот, кто, желая сохранить себе жизнь, побежит с поля боя; знайте, что в живых останутся только победители, что беглецы гибнут гораздо чаще тех, кто стойко сражается» (пер. В.Г. Бороховича, Э.Д. Фролова).

Этот в высшей степени странный аргумент в пользу воинской доблести приводит на память один из фрагментов Тиртея, спартанского поэта-элегика VII в. до н.э. (Tyrtaeus, fragm. 8 Prato, vv. 11-20):

...οἱ μὲν γὰρ τολμῶσι παρ' ἀλλήλοισι μένοντες ἔς τ' αὐτοσχεδίην και προμάχους ἰέναι, παυρότεροι θνήσκουσι, σαοῦσι δὲ λαὸν ὀπίσσω: τρεσσάντων δ' ἀνδρῶν πᾶσ' ἀπόλωλ' ἀρετή: οὐδεὶς ἄν ποτε ταῦτα λέγων ἀνύσειεν ἕκαστα, ὅσσ', ἦν αἰσχροῦ πάθη, γίγνεται ἀνδρὶ κακά. ἀρπαλέον¹ γὰρ ὅπισθε μετὰφρηνός ἐστι δαΐζειν ἀνδρὸς φεύγοντος δῆϊφ ἐν πολέμῳ, αἰσχροὺν δ' ἐστὶ νέκυς κακκέϊμενος ἐν κόνιῃσι νῶτον ὅπισθ' αἰχμηῇ δουρὸς ἐληλαμένος.

«Те, кто отважно остается в строю, друг подле друга, и идет в рукопашный бой в первых рядах, погибают в меньшем количестве, и, кроме того, спасают тех, кто позади. Доблесть же мужей убегающих погибает полностью: ведь невозможно перечислить словом все беды, выпадающие на долю мужа, покрывшего себя позором. Ведь это так приятно — посреди ужасной битвы ударить в спину, в диафрагму, убегающего мужа — и отвратителен вид трупа, лежащего в пыли, пронзенного наконечником копья в спину» (пер. 3.А. Барзах).

Итак, и ассирийский царь, и спартанский поэт подчеркивают: трус погибнет скорее, чем храбрец, так как, убегая, он поворачивает к врагу незащищенную сторону своего тела. Если это сознательная отсылка Ксенофонта к стихам спартанского поэта, то какова ее цель? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, я предлагаю рассмотреть и речь ассирийского царя у Ксенофонта, и античную биографическую традицию о Тиртее в более широком контексте.

Большинство современных исследователей считают, что Тиртей был спартанцем по рождению², однако древние были другого мнения. Уже Платон в «Законах» (Pl. Leg. 629a)³ упоминает традицию о его афинском происхождении:

¹ Здесь мы, вместо рукописного ἀρπαλέον, принимаем конъектуру Аренса, которую поддерживает в своем издании Кэмпбелл (*Campbell* [1967]. P. 173 ad v. 17): «MSS. ἀρπαλέον gives a wrong sense. Ahrens' emendation is apt: "it is attractive to pierce from behind the back of a fleeing man"».

² О происхождении Тиртея и биографической традиции о нем см.: *Строгецкий* (2014). 82-83.

³ Поэтому Фрезер (*Frazer* [2013]. P. 415) и Пирсон (*Pearson* [1962]. P. 400-401) ошибаются, говоря, что первое упоминание об афинском происхождении Тиртея восходит к историку Каллисфену, современнику Александра Македонского.

...προσθησώμεθα γοῦν Τύρταιον, τὸν φύσει μὲν Ἀθηναῖον, τῶνδε δὲ πολίτην γενόμενον, ὃς δὴ μάλιστα ἀνθρώπων περὶ ταῦτα ἐσπούδακεν.

«Возьмем сперва Тиртея, афинянина родом, но приобретшего лакедемонское гражданство. Ведь среди всех он с особенным рвением относится к войне» (пер. А.Н. Егунова).

Ликург, оратор IV в. до н.э., излагает легенду о происхождении Тиртея с новыми подробностями, добавляя при этом, что афинское происхождение Тиртея — факт, известный всем эллинам:

Lycurgus. *Against Leocrates*, 105-107: τοιγαροῦν οὕτως ἦσαν ἄνδρες σπουδαῖοι καὶ κοινῇ καὶ ἰδίᾳ οἱ τότε τὴν πόλιν οἰκοῦντες ὥστε τοῖς ἀνδρειοτάτοις Λακεδαιμονίοις ἐν τοῖς ἐμπροσθεν χρόνοις πολεμοῦσι πρὸς Μεσσηνίους ἀνεῖλεν ὁ θεός, παρ' ἡμῶν ἡγεμόνα λαβεῖν καὶ νικήσειν τοὺς ἐναντίους. καίτοι εἰ τοῖν ἀφ' Ἡρακλέους γεγενημένοι,1 οἱ αἰεὶ βασιλεύουσιν ἐν Σπάρτῃ, τοὺς παρ' ἡμῶν ἡγεμόνας ἀμείνους ὁ θεὸς ἔκρινε, πῶς οὐκ ἀνυπέρβλητον χρῆ τὴν ἐκείνων ἀρετὴν νομίζειν; τίς γὰρ οὐκ οἶδε τῶν Ἑλλήνων ὅτι Τυρταῖον στρατηγὸν ἔλαβον παρὰ τῆς πόλεως, μεθ' οὗ καὶ τῶν πολεμίων ἐκράτησαν καὶ τὴν περὶ τοὺς νέους ἐπιμέλειαν συνετάξαντο, οὐ μόνον εἰς τὸν παρόντα κίνδυνον ἀλλ' εἰς ἅπαντα τὸν αἰῶνα βουλευσάμενοι καλῶς; κατέλιπε γὰρ αὐτοῖς ἐλεγεία ποιήσας, ὧν ἀκούοντες παιδεύονται πρὸς ἀνδρείαν: καὶ περὶ τοὺς ἄλλους ποιητὰς οὐδένα λόγον ἔχοντες περὶ τούτου οὕτω σφόδρα ἐσπούδακασιν ὥστε νόμον ἔθεντο, ὅταν ἐν τοῖς ὄπλοις ἐξεστρατευμένοι1 ᾧσι,2 καλεῖν ἐπὶ τὴν τοῦ βασιλέως σκηνὴν ἀκουσομένους τῶν Τυρταίου ποιημάτων ἅπαντας, νομίζοντες οὕτως ἂν αὐτοὺς μάλιστα πρὸ τῆς πατρίδος ἐθέλειν ἀποθνήσκειν. χρήσιμον δ' ἐστὶ καὶ τούτων ἀκοῦσαι τῶν ἐλεγείων, ἵν' ἐπίστηθε οἷα ποιοῦντες εὐδοκίμουν παρ' ἐκείνοις. (далее следует приведенный выше фрагмент Тиртея, сохранившийся именно благодаря этой речи Ликурга).

«Столь превосходны были как в общественных, так и в личных делах мужи, населявшие тогда город, что даже самым мужественным лакедемонянам, когда они в прежние времена воевали с мессенцами, бог предсказал взять предводителя у нас, чтобы победить противников. И если бог решил, что наши полководцы лучше потомков Геракла, которые постоянно царствуют в Спарте, как можно тогда не считать их доблесть непревзойденной? Ведь кто из эллинов не знает, что они взяли из нашего города в

качестве предводителя Тиртея, с помощью которого они и победу над врагами одержали, и организовали воспитание молодежи, приняв прекрасное решение не только в связи с тогдашней опасностью, но и на все времена. Ведь он создал для них элегии, слушая которые они обучаются доблести. И в то время, как они остальных поэтов не считали достойными внимания, к нему они относились так серьезно, что даже приняли закон, по которому каждый раз, как воины выстраиваются в полном вооружении для похода, их всех приглашают к палатке царя выслушать стихотворения Тиртея, считая, что таким образом они будут более всего стремиться умереть за отечество. Полезно вам будет выслушать некоторые из этих элегий, чтобы вы знали, какие поступки у них пользовались хорошей славой... (пер. Т.В. Прушакевич).

Изложение Ликурга показывает, что речь идет о традиции, направленной на восхваление Афин за счет уничтожения спартанцев. По точной формулировке Кэмпбелла, «рассказ об афинском происхождении Тиртея, в настоящее время отвергаемый большинством ученых, скорее всего, возник потому, что афиняне IV века не могли поверить, что в Спарте когда-либо мог родиться поэт, и с готовностью объявляли любого поэта своим».⁴

Однако версия Павсания, почти дословно повторяющаяся в Schol. Vet. ad Plato Leges 629a, оказывается еще более невыгодной для Спарты (Paus. 4.15.6):

...ἐγένετο δὲ καὶ Λακεδαιμονίοις μάντευμα ἐκ Δελφῶν τὸν Ἀθηναῖον ἐπάγεσθαι σύμβουλον. ἀποστέλλουσιν οὖν παρὰ τοὺς Ἀθηναίους τὸν τε χρησμόν ἀπαγγελοῦντας καὶ ἄνδρα αἰτοῦντας παραίνεσοντα ἃ χρή σφισιν. Ἀθηναῖοι δὲ οὐδέτερα θέλοντες, οὔτε Λακεδαιμονίους ἄνευ μεγάλων κινδύνων προσλαβεῖν μοῖραν τῶν ἐν Πελοποννήσῳ τὴν ἀρίστην οὔτε αὐτοὶ παρακοῦσαι τοῦ θεοῦ, πρὸς ταῦτα ἐξευρίσκουσι: καὶ ἦν γὰρ Τυρταῖος διδάσκαλος γραμμάτων νοῦν τε ἥκιστα ἔχειν δοκῶν καὶ τὸν ἕτερον τῶν ποδῶν χωλός, τοῦτον ἀποστέλλουσιν ἐς Σπάρτην. ὁ δὲ ἀφικόμενος ἰδίᾳ τε τοῖς ἐν τέλει καὶ συνάγων ὀπόσους τύχοι καὶ τὰ ἐλεγεία καὶ τὰ ἐπη σφίσι τὰ ἀνάπαιστα ἤδεν.

⁴ Campbell (1967). P. 169-170. Того же мнения придерживаются: Adkins (1985). P. 67, Barron, Easterling (1985). P. 130. Доватуп (1989). С. 11.

«И лакедемонянам было прорицание из Дельф призвать к себе как помощника и советника (намеченного богом) афинского мужа. И вот они отправляют к афинянам посольство, чтобы оно сообщило им вещание бога и попросило дать им человека, который мог бы им посоветовать, что нужно им делать. Афинянам не хотелось делать ни того, ни другого; им не хотелось, чтобы лакедемоняне без больших трудов и опасностей овладели лучшей частью Пелопоннеса, но не хотели они и послушаться воли бога. Поэтому они нашли некоего Тиртея — он был учителем грамоты, считался человеком небольшого ума и был хромым на одну ногу; его-то они и послали в Спарту. Прибыв туда, он сначала только знатным, а затем и всем, кого он мог собрать, стал петь элегии и свои анапесты» (пер. С.П. Кондратьева).

Итак, авторы этой версии, кем бы они ни были, стремились создать впечатление, что спартанцы обязаны своей знаменитой военной доблестью и отвагой хромому и туповатому афинскому учителю грамоты: жалких крох с пиршественного стола афинской культуры оказалось достаточно, чтобы вдохновить этих недалеких людей на века. Очевидно, целью этих неизвестных создателей было, с одной стороны, унижить спартанцев, а с другой — польстить афинянам.

Так где же мы должны искать источник этого рассказа? Исследователи, обсуждавшие вопрос об источниках четвертой, мессенской книги Павсания, согласны в том, что он, скорее всего, опирался на сочинения двух авторов III в. до н.э.: Мирона из Приены, автора прозаической «Мессенской истории» (п. 106 Jacoby), и Риана из Бены, автора эпической поэмы под тем же названием (п. 265 Jacoby)⁵. Авторы обоих этих сочинений, по-видимому, придерживались резко антиспартанской и промессенской позиции. Мы мало что знаем о том, какими источниками пользовались сами Мирон и Риан, однако и они, и Павсаний опирались на промессенскую традицию, которая уже существовала ко времени написания «Киропедии» Ксенофонта.

Так, рассказы о жизни и подвигах Аристомена, мессенского героя, сражавшегося со спартанцами, составляют изрядную часть четвертой книги Павсания. А об этих историях можно точно сказать,

⁵ *Ebeling* (1892). *Frazer* (2013). P. 411. *Pearson* (1962). P. 410-416.

что их начали рассказывать задолго до того, как Эпаминонд в 369 г. до н. э. освободил Мессению. П. Херт справедливо замечает, что эти приключения мессенского Робин Гуда «больше похожи на истории о героях-разбойниках, нежели на мифы о древних воителях... они возникли скорее в среде людей угнетенных, беспомощных и исполненных горькой обиды, нежели среди строителей нового города, добывающихся признания среди эллинов»⁶.

Однако величайшего расцвета мессенская пропаганда и мессенский нарратив достигли после освобождения Мессении. Ярким символом этого пропагандистского (вос)создания мессенского прошлого может служить «чудесное обретение» Эпаминондом счита легендарного Аристомена, которое, согласно Павсанию, был тогда же выставлен на всеобщее обозрение (Paus. IV, 32, 5).

Афины тех дней были полны проспартанской и антиспартанской пропагандой. И это вполне объяснимо, ведь и спартанцы, и мессеняне надеялись приобрести в лице афинян могущественных союзников⁷. Как это всегда бывает в таких случаях, обе партии переписывали историю в пользу своего города. О спартанском нарративе мы можем судить лучше всего по речи Исократы «Архидам»⁸, следы же мессенской версии событий дошли до нас в виде фрагментов трагедии Еврипида «Кресфонт»⁹, «Мессенской речи» Алкидаманта¹⁰ и четвертой книги «Описания Эллады» Павсания¹¹, где и излагается версия об афинском происхождении Тиртея.

Отношение Ксенофонта к освобождению Мессении лучше всего видно *ex silentio*: описывая в седьмой книге «Истории Греции» во всех подробностях прочие события тех лет, например, посольство спартанцев в Афины, он обходит молчанием освобождение Мессении и основание Мессены. По-видимому, Ксенофонт отказывается при-

⁶ Hurl (2002). P. 77-79.

⁷ О мессенской пропаганде этого периода см.: Pearson (1962). P. 397-426, Hurl (2002). P. 62-63, Figueira (2009). P. 228-231.

⁸ Pearson (1962). P. 404, Luraghi (2008). P. 222-223.

⁹ Hurl (2002). P. 78, Pearson, "Pseudo-History". 403-404.

¹⁰ Raaflaub (2003). P. 169-187.

¹¹ О зависимости IV кн. Павсания от мессенского пропагандистского нарратива, см.: Figueira (2009). P. 228-229, Pearson (1962). P. 407-409.

знавать существование мессенского полиса по той же причине, по которой не признавала его официальная спартанская пропаганда: илоты, с точки зрения Ксенофонта и спартанцев, являлись рабами по природе своей¹² и не были способны построить настоящий полис: это прерогатива людей свободнорожденных¹³. Отношение Ксенофонта к современной ему Спарте было, напротив, достаточно сложным¹⁴. Некоторые ее черты — отсутствие у спартанцев *sophrosyne*, подчинение, держащееся на страхе и насилии, а не на убеждении — были для него неприемлемыми, однако другие особенности этого полиса предстают как в «Лакедемонской политике», так и в других сочинениях Ксенофонта источником величия и славы Спарты. И, что особенно важно для нас в контексте нашего исследования, все те черты, которые Ксенофонт одобряет в спартанцах и их государственном строе, он воспроизводит в своей идеализированной Персии в «Киропедии».

Особенное восхищение у Ксенофонта вызывают меры, с помощью которых спартанцы поощряли храбрость в бою¹⁵. Вот как он описывает их в «Лакедемонской политике» (Xen. Lac. 9, 3-6):

...ἄξιον δὲ τοῦ Λυκούργου καὶ τότε ἀγαθῆναι, τὸ κατεργάσασθαι ἐν τῇ πόλει αἰρετώτερον εἶναι τὸν καλὸν θάνατον ἀντὶ τοῦ αἰσχροῦ βίου: καὶ γὰρ δὴ ἐπισκοπῶν τις ἂν εὔροι μείους ἀποθνήσκοντας τούτων ἢ τῶν ἐκ τοῦ φοβεροῦ ἀποχωρεῖν αἰρουμένων. ὡς τάληθές εἶπειν καὶ ἔπεται τῇ ἀρετῇ τὸ σφῆζεσθαι εἰς τὸν πλεῖον χρόνον μᾶλλον ἢ τῇ κακίᾳ: καὶ γὰρ ῥᾶων καὶ ἡδίων καὶ εὐπορωτέρα καὶ ἰσχυροτέρα. δῆλον δὲ ὅτι καὶ εὐκλεία μάλιστα ἔπεται τῇ ἀρετῇ: καὶ γὰρ συμμαχεῖν πῶς πάντες τοῖς ἀγαθοῖς βούλοντα. ἢ μέντοι ὥστε ταῦτα γίνεσθαι ἐμηχανήσατο, καὶ τοῦτο καλὸν μὴ παραλιπεῖν. ἐκεῖνος τοίνυν σαφῶς παρεσκεύασε τοῖς μὲν ἀγαθοῖς εὐδαιμονίαν, τοῖς δὲ κακοῖς κακοδαιμονίαν. ἐν μὲν γὰρ ταῖς ἄλλαις πόλεσιν, ὅποταν τις κακὸς γένηται, ἐπὶ κλησιν μόνον ἔχει κακὸς εἶναι, ἀγοράζει δὲ ἐν τῷ αὐτῷ ὁ κακὸς τάγαθῶ καὶ κἀθηται καὶ γυμνάζεται, ἐὰν βούληται: ἐν δὲ τῇ Λακεδαίμονι πᾶς μὲν ἂν τις αἰσχυνθεῖ τὸν κακὸν σύσκηνον

¹² По замечанию (Печатнова [2013]. С. 422), в «Лакедемонской политике» Ксенофонт даже не называет их спартанским термином εἰλωτες, предпочитая общегреческое и гораздо более унижительное δοῦλοι, «рабы».

¹³ Luraghi (2008). P. 222.

¹⁴ См. подробнее: Christensen (2017).

¹⁵ Christensen (2017). P. 382-383.

παραλαβεῖν, πᾶς δ' ἄν ἐν παλαίσματι συγγυμναστήν. πολλάκις δ' ὁ τοιοῦτος καὶ διαιρουμένων τοὺς ἀντισφαιριοῦντας ἀχώριστος περιγίγνεται, καὶ ἐν χοροῖς δ' εἰς τὰς ἐπονειδίστους χώρας ἀπελαύνεται, καὶ μὴν ἐν ὁδοῖς παραχωρητέον αὐτῷ καὶ ἐν θάκοις καὶ ἐν τοῖς νεωτέροις ὑπαναστατέον, καὶ τὰς μὲν προσηκούσας κόρας οἴκοι θρεπτέον, καὶ ταύταις τῆς ἀνανδρίας αἰτίαν ὑφεκτέον, γυναῖκας δὲ κενὴν ἔστιαν οὐ περιοπτέον καὶ ἅμα τούτου ζημίαν ἀποτειστέον, λιπαρὸν δὲ οὐ πλανητέον οὐδὲ μιμητέον τοὺς ἀνεγκλήτους, ἢ πληγὰς ὑπὸ τῶν ἀμεινόνων ληπτέον. ἐγὼ μὲν δὴ τοιαύτης τοῖς κακοῖς ἀτιμίας ἐπικειμένης οὐδὲν θαυμάζω τὸ προαιρεῖσθαι ἐκεῖ θάνατον ἀντὶ τοῦ οὔτως ἀτίμου τε καὶ ἐπονειδίστου βίου.

«Также достойно удивления, что Ликург достиг того, что для граждан хорошая смерть предпочтительнее позорной жизни. Действительно, при внимательном наблюдении всякий найдет, что такие люди гораздо реже умирают, чем предпочитающие бежать от опасности. Поистине, за мужеством следует более продолжительная жизнь, чем за трусостью, так как мужество не только удобнее и приятнее, но оно легче выполнимо и надежнее. Ясно и то, что добрая слава следует только за мужеством, потому что, можно сказать, все готовы идти за храбрыми. Нельзя пропустить и того, как Ликург и этого достиг. Он для храбрых приготовил явное благополучие, а для трусов явное злополучие. Во всех городах человек, оказавшийся трусом, только имя носит труса, и тем не менее одинаково с храбрыми участвует в собраниях, сидит с ними рядом и по желанию занимается гимнастическими упражнениями; но в Лакедемонe всякому гражданину стыдно сидеть за обедом рядом с трусом или бороться с трусом в палестре. Часто, когда предстоятели распределяют играющих в мяч, трус остается без места; на праздничных хорах его удаляют в непочетные места; на улице он должен уступать с дороги, с места он должен вставать даже перед младшими. Кроме того, он должен дочерей воспитывать дома, так что вина в трусости переходит даже на них, и они остаются без мужей; дом свой он должен оставлять без жены, и за это он опять подвергается штрафу. Он не может выходить, намазавшись маслом, и подражать хорошим гражданам, в противном случае подвергается ударам от лучших граждан. При таком бесчестии, наложенном на трусов, я несколько не удивляюсь, что в Спарте скорее предпочитают смерть, чем такую бесчестную и позорную жизнь» (перевод Г.А. Янчевецкого.)

Здесь, как и в речи ассирийского царя, и в элегии Тиртея, в качестве аргумента в пользу храбрости используется то, что трусы на войне погибают чаще, чем храбрецы. Однако Ксенофонт подчеркивает: знания этого простого факта недостаточно для того, чтобы в час смертельной опасности воин предпочел храбро сражаться, а не бежать. Поэтому Ксенофонт перечисляет средства социального давления, которые должны сделать существование человека, уличенного в трусости, невыносимым. В «Киропедии» также перечисляются аналогичные меры — и их перечисляет Кир сразу вслед за речью ассирийского царя, в ответ на предложение Хрисанфа произнести аналогичную речь перед своим воинством (Хен. Сур. III.3.51-53):

...ἢ καὶ δύναιτ' ἄν, ἔφη ὁ Κῦρος, εἰς λόγος ῥηθεὶς αὐθημερὸν αἰδοῦς μὲν ἐμπλήσαι τὰς ψυχὰς τῶν ἀκούοντων, ἢ ἀπὸ τῶν αἰσχυρῶν κωλύσαι, προτρέψαι δὲ ὡς χρὴ ἐπαίνου μὲν ἕνεκα πάντα μὲν πόνον, πάντα δὲ κίνδυνον ὑποδύεσθαι, λαβεῖν δ' ἐν ταῖς γνώμαις βεβαίως τοῦτο ὡς αἰρετώτερόν ἐστι μαχομένους ἀποθνήσκειν μᾶλλον ἢ φεύγοντας σώζεσθαι; ἄρ' οὐκ, ἔφη, εἰ μέλλουσι τοιαῦτα διάνοιαι ἐγγραφῆσεσθαι ἀνθρώποις καὶ ἔμμονοι ἔσεσθαι, πρῶτον μὲν νόμους ὑπάρξει δεῖ τοιούτους δι' ὧν τοῖς μὲν ἀγαθοῖς ἔντιμος καὶ ἐλευθέριος ὁ βίος παρασκευασθήσεται, τοῖς δὲ κακοῖς ταπεινός τε καὶ ἀλγεινός καὶ ἀβίωτος ὁ αἰὼν ἐπανακίεσται; ἔπειτα διδασκάλους οἶμαι δεῖ καὶ ἄρχοντας ἐπὶ τοῦτοις γενέσθαι οἳ τινες δεῖξουσὶ τε ὀρθῶς καὶ διδάξουσὶ καὶ ἐθιοῦσι ταῦτα δρᾶν, ἔστ' ἂν ἐγγένηται αὐτοῖς τοὺς μὲν ἀγαθοὺς καὶ εὐκλεεῖς εὐδαιμονεστάτους τῶ ὄντι νομίζειν, τοὺς δὲ κακοὺς καὶ δυσκλεεῖς ἀθλιωτάτους ἀπάντων ἡγεῖσθαι. οὕτω γὰρ δεῖ διατεθῆναι τοὺς μέλλοντας τοῦ ἀπὸ τῶν πολεμίων φόβου τὴν μάθησιν κρείττονα παρέξεσθαι.

«А разве может одна речь сразу же возбудить в душе человека чувство стыда или удержать его от постыдных поступков, или вызвать в нем воинское рвение ради одной только славы, или стремление преодолеть любые опасности? Может ли она заставить его предпочесть смерть в бою — спасению, добытому в бегстве?»

Если вы хотите, чтобы люди прониклись подобными чувствами и остались верны им, то необходимо, прежде

всего, установить законы, согласно которым доблестным будут предоставлены почет и свобода, а трусы будут наказаны таким позором, что жизнь их, исполненная горестей, станет для них невыносимой. Далее, я полагаю, над людьми должны быть поставлены наставники и руководители, которые будут справедливо управлять ими, наставляя их и приучая к доблестным поступкам, пока они полностью не осознают, что по-настоящему доблестные и славные оказываются и самыми счастливыми, а трусы и опозоренные — самыми несчастными из людей. Именно такие чувства должны воодушевлять воинов, от которых ждут, что полученное ими воспитание окажется сильнее страха, внушаемого врагом» (пер. В.Г. Борухович, Э.Д. Фролова).

Итак, и Ликург, и Кир прекрасно понимают: простого теоретического знания того факта, что те, кто обращаются к врагу спиной, погибают чаще, нежели встречающие его лицом к лицу, недостаточно для того, чтобы в момент смертельной опасности остановить инстинктивный порыв человека к бегству. Для этого необходимы социальные меры, формирующие систему ценностей гражданина таким образом, что он будет искренне убежден: лучше смерть, чем позорное и жалкое существование труса.

Как уже было отмечено, прочие черты спартанского общества, которые Ксенофонт считает достойными восхищения и подражания — значение, предаваемое физическим упражнениям, уважение к старшим и скромность, состязательный характер образования и упражнений, общие трапезы воинов, призванные создать неформальные отношения между простыми воинами и командирами — также воспроизведены Ксенофонтом в его идеальной Персии, построенной Киrom¹⁶.

Итак, можно попытаться реконструировать полемику, в которую вступил Ксенофонт, вложив цитату из Тиртея в уста ассирийского царя. Как мы уже видели, карикатурное изображение Тиртея,

¹⁶ Christensen (2017). P. 384-385. Об агонистической природе спартанского образования, в описании Ксенофонта, см: Печатнова (2014). Об отношении Ксенофонта к спартанским сисситиям см.: Alvino (2018). P. 544-563.

вероятно, было частью антиспартанского нарратива. Мы можем реконструировать эту часть нарратива таким образом: Тиртей, легендарный поэт спартанцев, чьи стихи веками вдохновляли их на подвиги, на деле не просто был афинянином, но на родине своей был презираем: это был туповатый школьный учитель, слагавший немелкие бравурные вирши. В качестве примера таковых могли приводиться стихи 11-20 Tyrte. fragm. 8 Prato или их комический парафраз: полюбуйтесь, мол, какими аргументами этот человек побуждает спартанцев храбро сражаться! он объясняет, что обращающие спину к врагу погибают чаще, чем встречающие его лицом к лицу — надо думать, потому, что у них нет глаз на спине и ниже! Вот он, источник знаменитой спартанской доблести — банальный факт из области анатомии, изложенный не самым умным афинским школьным учителем!

«Нет, — отвечает на это Ксенофонт, влагая пародийный пересказ Тиртея, возможно, заимствованный у оппонента, в уста ассирийского царя, а затем заставляя своего Кира оспорить эффективность такого рода риторики. — Вы не потрудились понять ни Тиртея, ни самой сути законодательства Ликурга. И Ликург в своих законах, и Тиртей в своих стихах указывают на подлинный источник спартанской доблести: целый ряд социальных мер и практик, направленных на то, чтобы внушить гражданам, что жизнь труса — жалкая доля, которая хуже смерти, участь же храбреца и в жизни, и в смерти блаженна. Именно это вдохновляет на подвиги лучше любой песни или речи».

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Доватур (1989) — Доватур А.И. Введение в древнегреческую элегию и Феогнидов сборник // Феогнид и его время. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1989. С. 1-12.
- Печатнова (2013) — Печатнова Л.Г. Некоторые замечания по поводу «Лакедемонской политики» Ксенофонта // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / Под редакцией профессора Э.Д. Фролова. 2013. Выпуск 13. С. 421-432.

- Печатнова (2014) — Печатнова Л.Г. Древние авторы о спартанской агонистике // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / Под редакцией профессора Э.Д. Фролова. 2014. Выпуск 14. С. 119-129.
- Строгецкий (2014) — Строгецкий В.М. Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2014.
- Adkins (1985) — Adkins A.W.H. Poetic Craft in the Early Greek Elegists. Chicago – L.: The University of Chicago Press. 1985.
- Alvino (2018) — Alvino M. C. Aphroditē and Philoprosynē: Xenophon's Symposium between Athenian and Spartan paradigm // Socrates and Socratic Dialogue / Ed. by A. Stavru, Chr. Moore. Leiden: Brill, 2018. P. 544-563.
- Barron, Easterling (1985) — Barron J.P., Easterling P.E. Early Greek Elegy: Callinus, Tyrtaeus, Mimnermus // Cambridge History of Classical Literature. I. Greek Literature / Ed. by P.E. Easterling, B.M.W. Knox. Cambridge: CUP, 1985.
- Campbell (1967) — Greek Lyric Poetry. A Selection of Early Greek Lyric, Elegiac and Iambic poetry / Ed. by D. Campbell. NY, 1967.
- Christensen (2017) — Christensen P. Xenophon's View on Sparta // The Cambridge Companion to Xenophon / Ed. M.A. Flower. Cambridge: CUP, 2017. P. 376-402.
- Ebeling (1892) — Ebeling H.L. A Study in the Sources of Messeniaca of Pausanias. PhD thesis, John Hopkins University, 1892.
- Figueira (2009) — Figueira T. The Evolution of the Messenian Identity // Sparta: New Perspectives / Eds. S. Hadkinson, A. Powell. Swansea: The Classical Press of Wales. 2009. P. 211-244.
- Frazer (2013) — Pausanias, Description of Greece / Trans. with comm. by J.C. Frazer. Vol. III. London, 1913.
- Hurt (2002) — Hurt P. Slaves, Warfare, and Ideology in the Greek Historians. Cambridge: CUP, 2002.
- Luraghi (2008) — Luraghi N. The Ancient Messenians: Construction of Ethnicity and Memory. Cambridge: CUP, 2008. P. 222-223.
- Pearson (1962) — Pearson L. The Pseudo-History of Messenia and Its Authors // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1962. Bd. 11. H. 4. S. 397-426.
- Raaflaub (2003) — Raaflaub K. Freedom to Messenians? // Helots and their Masters in Laconia and Messenia / Eds. N. Luraghi, S. Alcock. Cambridge: CUP, 2003.

Zoia A. BARZAKH

TYRTAEUS, THE KING OF ASSYRIA

XENOPHON'S "CYROPAEDIA" AND EDUCATION OF WARRIORS IN SPARTA

The article proposes that the oration of the king of Assyria in Xenophon's *Cyropaedia* (III, 3, 44-45) can contain the allusion to, or rather a parody on, one of the elegies of Tyrtaeus (fragm. 8 Prato, vv. 11-20). Both the Assyrian king, a tyrant and Xenophon's paradigmatic loser, and the famous martial poet of Sparta stress that those who prefer to flee are more likely to be killed than those who stay firm in the face of danger, since a fleeing man turns the undefended parts of his body to his enemy. The source of this parody could have been some anti-Spartan pamphlet: after the liberation of Messenia and founding of the city Messene by Epaminondas (369 BC) Athens were full of pro- and anti-Spartan agitation, since both Messenia and Sparta hoped to have Athens as their ally. In this polemics, Xenophon took the Spartan side. Xenophon's attitude towards Epaminondas' liberation of Messenia can be understood best *ex silentio*: in contrast with his detailed depiction of all the surrounding events, such as the Spartan embassy to Athens, in *Hellenica* VII, he does not mention Messenian liberation and foundation of Messenia at all. Xenophon's reaction to the parody of Tyrteus by pro-messenian polemist is clear from the subsequent oration of Cyrus (Xen. *Cyr.* III, 3, 51-53). The system of education and social values, described in this oration, bears many similarities to the Spartan system as described in "Lacedaemonian *Politeia*" 9, 3-6. According to Cyrus and to Xenophon, the real source of martial virtue is neither a song nor oration, but a series of well-established and long-standing social practices that make the citizens aware of the idea that the life of a coward isn't worth living and the brave man is the happiest one in life and death.

REFERENCES

- Adkins (1985) — Adkins A.W.H. *Poetic Craft in the Early Greek Elegists*. Chicago - London: The University of Chicago Press. 1985.
- Alvino (2018) — Alvino M. C. *Aphroditē and Philoprosynē: Xenophon's Symposium between Athenian and Spartan paradigm // Socrates and*

- Socratic Dialogue / Ed. by A. Stavru, Chr. Moore. Leiden: Brill, 2018. P. 544-563.
- Barron, Easterling (1985) — Barron J.P., Easterling P.E. Early Greek Elegy: Callinus, Tyrtaeus, Mimnermus. // Cambridge History of Classical Literature, I, Greek Literature / Ed. by P. E. Easterling, B. M. W. Knox. Cambridge: CUP, 1985.
- Campbell (1967) — Greek Lyric Poetry. A Selection of Early Greek Lyric, Elegiac and Iambic poetry / Ed. by D. Campbell. NY, 1967.
- Christensen (2017) — Christensen P. Xenophon's View on Sparta // The Cambridge Companion to Xenophon / Ed. M.A. Flower. Cambridge: CUP, 2017. P. 376-402.
- Dovatur (1989) — Dovatur A.I. Vvedenie v drevnegrecheskuju jelegiju i Feognidov sbornik // Feognid i ego vremja. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1989. S. 1-12.
- Ebeling (1892) — Ebeling H.L. A Study in the Sources of Messeniaca of Pausanias. PhD thesis, John Hopkins University, 1892.
- Figueira (2009) — Figueira T. The Evolution of the Messenian Identity // Sparta: New Perspectives / Eds. S. Hadkinson, A. Powell. Swansea: The Classical Press of Wales, 2009. P. 211-244.
- Frazer (1913) — Pausanias, Description of Greece / Transl. with comm. by J.C. Frazer. Vol. III. London, 1913.
- Hurt (2002) — Hurt P. Slaves, Warfare, and Ideology in the Greek Historians. Cambridge: CUP, 2002.
- Luraghi (2008) — Luraghi N. The Ancient Messenians: Construction of Ethnicity and Memory. Cambridge: CUP, 2008. P. 222-223.
- Pearson (1962) — Pearson L. The Pseudo-History of Messenia and Its Authors // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1962. Bd. 11. H. 4. S. 397-426.
- Pechatnova (2013) — Pechatnova L. G. Nekotorye zamechanija po povodu «Lakedemskoj politii» Ksenofonta // MNEMON. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira / Pod redakciej professora Je.D. Frolova. 13 (2013). S. 421-432.
- Pechatnova (2014) — Pechatnova L. G. Drevnie avtory o spartanskoj agonistike // MNEMON. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira / Pod redakciej professora Je. D. Frolova. 14 (2014). S. 119-129.
- Raaflaub (2003) — Raaflaub K. Freedom to Messenians? // Helots and their Masters in Laconia and Messenia / Eds. N. Luraghi, S. Alcock. Cambridge: CUP, 2003.

Strogeckij (2014) — Strogeckij V. M. Stanovlenie istoricheskoi mysli v Drevnej Grecii i vzniknovenie klassicheskoi grecheskoj istoriografii. Moskva – Berlin: Direkt-Media, 2014.